

A person wearing a brown coat and a fur hat with a pom-pom is seen from behind, looking out over a snowy village. The village features wooden houses with snow-covered roofs and a church spire in the distance. The scene is set in a winter landscape with snow-covered ground and rooftops.

Дмитрий Косинский

Парабай. Последний день февраля

Дмитрий Косинский

Парабай. Последний день февраля

«Автор»

2026

Косинский Д.

Парабай. Последний день февраля / Д. Косинский — «Автор», 2026

Февраль. Глухая деревня, которой нет на картах. Вадим приезжает сюда собирать фольклор о славянских праздниках, но быстро понимает: местные хранят не сказки. Здесь вертолёты летают только в феврале, когда «Дух» закрывает небо от радаров. Здесь старики уходят в лес и становятся Дедами — существами, которые живут веками, но не помнят себя. Здесь делают Белку — напиток, который помогает забыть, и Белое пиво — напиток, который заставляет увидеть правду. Гаджет Вадима начинает говорить чужими голосами. Во снах является мост, горящий белым огнём. А загадочный Кос предлагает задать один вопрос — любой — но только один раз в жизни. Когда Вадим узнаёт о двух артефактах — Ф и П — способных закрыть мост между мирами и закончить древний цикл, ему предстоит сделать выбор: остаться собой или принять имя, которое даёт ему лес. Имя Кудим. Мистический триллер в традициях магического реализма, где славянский фольклор встречается с современной психологией, а древние боги живут в февральском тумане...

© Косинский Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Глава 1.	7
Глава 2.	12
Глава 3.	17
Глава 4.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Косинский

Парабай. Последний день февраля

ПРОЛОГ

Мост

Жидкость в кружке густая, тёплая, цвета старого молока. Она пахнет не травами и не мёдом. Она пахнет памятью. Чужой, тяжёлой, вязкой памятью, которая оседает на дне желудка и медленно поднимается к горлу.

Я смотрю на свои руки. Пальцы в чернилах, ногти обкусаны. На запястье — часы без стрелок. Я не помню, когда они остановились. Не помню, зачем носил их. Не помню, как звали человека, который надел их впервые.

В гаджете на столе светится запись, сделанная моей рукой: *«День 12. Ночь. Меня зовут Кудим. Это имя правильное. Оно ложится на язык, как этот напиток. Остальное — шелуха».*

Почерк мой. Экран мой. Но слова написаны кем-то другим. Тем, кто живёт во мне, пока я сплю. Тем, кто просыпается, когда ветер меняет направление и деревья начинают шептать.

За окном — февральская ночь. Лес стоит неподвижно, будто ждёт. Они тоже ждут. Те, кто на привязи. Те, кого Он держит за поводок. Сегодня поводок ослаб. Завтра ослабнет сильнее. А послезавтра...

Послезавтра будет конец.

Я поднимаю кружку. Жидкость обжигает губы. Тепло расходится по венам, вытесняя холод, вытесняя страх, вытесняя последнее, что осталось от того, кто приехал сюда с блокнотом и компасом. Гаджет лежит рядом. Экран светится. На нём сообщение, которое я не открывал: *«ТЫ ДОМА».*

В правой руке я сжимаю артефакт Ф. Холодный. Тяжёлый. Как якорь. Как память. Как постоянство. Буква выгравирована глубоко, будто кто-то вложил в неё всю свою боль.

В левой руке — артефакт П. Тёплый. Живой. Как парус. Как движение. Как изменение. Он дрожит в моей ладони, как сердце. Как будто хочет вырваться. Убежать. Исчезнуть.

П должен уйти первым. П должен исчезнуть. И только тогда Ф откроет дверь.

Но какую дверь? Дверь на мост? Дверь из леса? Дверь в другой мир?

Я не знаю.

Я сижу на берегу озера. Передо мной — вода. Тёмная, неподвижная, тяжёлая. Где-то подо льдом двигается что-то огромное. Дышит. Ждёт. За спиной — лес. Чёрный, молчаливый, бесконечный. Деревья стоят, как стражи. Как свидетели. Как судьи. Над головой — небо. Серое, тяжёлое, без звёзд. Ни луны, ни облаков. Просто пустота.

Я один.

Нет. Не один.

Они здесь. Все они.

Маша, которая дала мне Ф и сказала: «Иди. Ты готов».

Виктор, который выпил Белое пиво и улыбнулся, как ребёнок.

Дядя Слава, который провёл ритуал и сказал: «Помните».

Зелёный, который молился и плакал.

Ербол, который смотрел на меня с надеждой и страхом.

Серёжа, который играл на гитаре и пел про чужой праздник.

Кос, который сказал: «Ты теряешь себя. Прими это».

Максим, который сказал: «Ты настраиваешься. Найди свою частоту».

Вася, который пел по ночам и ждал друга, который не вернётся.

И они. Деда. Стоящие на опушке. Смотрящие пустыми глазами. Ждущие конца.

Колдун и Смеланья. Отец и дочь. Стоящие на мосту. Не могущие встретиться.

Все они здесь. Во мне. Вокруг меня. Через меня.

Я должен сделать выбор.

Соединить Ф и П. Закрывать мост. Закончить цикл. Отпустить Дедов. Отпустить Колдуна. Отпустить Смеланью. Отпустить себя.

Или оставить всё как есть. Позволить циклу продолжаться. Позволить Дедам ждать. Позволить Колдуну держать поводок. Позволить Смеланье оставаться мостом. Позволить себе стать одним из них. Одним из Дедов. Пустым. Без памяти. Без имени.

Я не знаю, что правильно.

Я не знаю, что будет.

Я знаю только одно: я должен выбрать. Сейчас. Сегодня. Этой ночью.

Потому что завтра будет поздно. Завтра поводок снова натянется.

Завтра Деда забудут.

Завтра Колдун вернёт контроль.

Завтра Смеланья снова станет мостом.

Завтра я забуду, кем был.

Завтра я забуду, что выбирал.

Завтра я забуду всё.

Я делаю глоток. Имя «Вадим» растворяется в белом настое, как сахар в кипятке. Остаётся только Кудим. Остаётся только лес. Остаётся только то, что нужно запомнить, чтобы не сойти с ума.

Завтра я забуду эту запись.

Завтра я забуду, что когда-то был другим.

Но сегодня сегодня я ещё могу записать правду. Пока рука держит стилус. Пока язык помнит вкус чужого имени.

Пока февраль не закончился.

Пока мост горит.

Пока я могу выбрать.

Я закрываю гаджет. Кладу его рядом с кружкой. Встаю. Беру Ф и П и иду к мосту.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1.

Компас и туман

Автобус заглох так тихо, что я сначала не понял — мы приехали или просто сломались.

Двигатель кашлянул один раз, как старый курильщик, и замолчал. В салоне повисла тишина. Не та уютная тишина, которая бывает в библиотеке или в храме, а другая — плотная, настороженная, будто сам воздух прислушивается. За окнами не было ничего. Только серый туман, который ложился на землю так низко, что верхушки елей торчали из него чёрными пальцами.

Я посмотрел на водителя. Он сидел, положив руки на руль, и не оборачивался. Затылок у него был напряжённый, с красной полосой от воротника куртки. Он что-то ждал.

— Всё, — сказал он наконец, не глядя на меня. — Конец маршрута.

Я достал гаджет, чтобы проверить GPS. Экран мигнул, показал карту — и тут же перечеркнул её красной сеткой. «Сигнал нестабилен», — написала система. Я постучал по корпусу. Компас в углу экрана начал крутиться, медленно, неуверенно, будто искал север и никак не мог его найти.

— У вас здесь сеть ловит? — спросил я.

Водитель хмыкнул. Звук получился сухой, как треск ветки.

— В феврале? Нет. В феврале здесь ничего не ловит. Кроме того, что не надо ловить.

Я нахмурился, но не стал переспрашивать. Этнографическая экспедиция не терпит суеты. Я приехал сюда собирать фольклор, записывать легенды, фиксировать обряды исчезающих сообществ. В моей заявке было написано: «Локальные традиции, связанные с переходом зимы в весну». Научный руководитель подписал, не глядя.

Я собрал вещи — рюкзак, гаджет, папку с распечатками — и встал. Автобус был пуст, если не считать меня и водителя. Когда я проходил мимо него, он вдруг повернулся и посмотрел на меня в упор. Глаза у него были блеклые, выцветшие, как у человека, который слишком долго смотрел на снег.

— К Маше иди, — сказал он. — К ангару. Она вертушками занимается. Если спросит, кто послал, скажи — автобусный Лёша. Она поймёт.

— А в деревню как?

— А тебе куда надо?

— В деревню.

— Тогда к Маше, — повторил он терпеливо, как взрослому ребёнку. — Она покажет. Только не спорь с ней. Она любит поговорить, но не любит, когда спорят. И к Леониду не лезь. «Он молчит, но он зрит. Всё зрит».

Он снова отвернулся к рулю. Я стоял в проходе, не зная, что ответить. Слово «зрит» он произнёс странно — с ударением на последний слог, как будто это было не русское слово, а какое-то другое, местное, которое я раньше никогда не слышал.

— Спасибо, — сказал я наконец.

— Не благодари, — отозвался он. — Иди уже.

Дверь открылась с шипением. Я спустился на снег.

Холод ударил в лицо, но не такой, какого я ждал. Февраль в средней полосе — это сухой, колючий мороз, от которого трескаются губы. А здесь воздух был влажным и странным. Он пах. Не хвоей, не снегом, не дымом. Он пах чем-то сладким, приторным, как гниющие цветы или мёд, забытый на солнце. Запах въедался в нос, оседал на языке. Я невольно сглотнул.

Автобус не уехал. Он стоял с открытой дверью, и водитель смотрел на меня через лобовое стекло. Я помахал ему — он не ответил. Тогда я повернулся и пошёл туда, куда вёл единственный след на снегу.

Тропа была узкая, утоптанная. По обе стороны стояли ели — старые, корявые, с ветвями, опущенными до самой земли. Туман цеплялся за иголки, висел клочьями. Я шёл быстро, стараясь не думать о том, что след в какой-то момент может кончиться.

Гаджет в кармане завибрировал. Я достал его. На экране висело уведомление:
«Ориентация потеряна. Рекомендую вернуться к точке старта».

Я хмыкнул и смахнул его. GPS и раньше глючил в лесу — это не новость. Компас продолжал крутиться. Я зашёл в настройки, отключил автоповорот экрана — и в этот момент заметил, что стрелка на секунду замерла. Она указывала куда-то вбок, в чащу. Потом снова завертелась.
— Батарея садится, — сказал я вслух, чтобы услышать собственный голос.

Тишина не ответила.

Ангар я увидел раньше, чем услышал. Он стоял на опушке, большой, деревянный, с покосившейся крышей и воротами, которые не закрывались до конца. Из щели сочился жёлтый свет и доносился лязг металла — размеренный, ритмичный, как удары сердца.

Я подошёл ближе. У ворот стояла бочка с дождевой водой, замерзшей до половины. Рядом — поленница, аккуратно сложенная. Кто-то курил здесь недавно: в жестяной банке из-под леденцов лежали три окурка.

Я просунул голову в щель ворот.

Внутри было тепло и пахло машинным маслом. Посреди ангара стоял вертолёт — огромный, грязно-зелёный, с облупившейся краской. Я не специалист, но даже я понял: это Ми-8, старый, советский. Рядом с ним, на табуретке, сидела женщина и крутила что-то в руках — то ли деталь, то ли просто железяку.

Она была в грязном комбинезоне, волосы собраны в неаккуратный хвост. Что-то бормотала себе под нос — мелодию, которую я не узнал.

Я постучал по металлической раме ворот.

Она не вздрогнула. Просто подняла голову и посмотрела на меня так, будто ждала именно меня и именно сейчас.

— Автобусный Лёша? — спросила она.

— Э-э нет. Он меня послал. К Маше.

— А я и есть Маша, — она улыбнулась. Улыбка у неё была широкая, искренняя, совсем не такая, как у водителя. — Заходи, не бойся. Вертолёт не кусается. Пока.

Я вошёл. Внутри оказалось больше, чем снаружи. Кроме вертолёта, здесь были стеллажи с запчастями, верстак, усыпанный инструментами, и в дальнем углу — что-то, что я сначала принял за аквариум. Только когда подошёл ближе, понял: это террариум. Большой, со стеклянными стенками, с корягами и мхом внутри. И в центре, на самом крупном суку, сидел паук. Огромный, чёрный, с мохнатыми лапами. Птицеед, наверное. Я невольно отступил на шаг.

Маша засмеялась.

— Это Барсик. Не бойся, он интроверт. Кусает только тех, кто его злит. А ты его пока не злишь.

— Он большой.

— Это да. Леонид его любит, как ребёнка. Кормит с рук. Говорит, у Барсика тонкая душевная организация.

— Леонид?

— Муж мой. Ну, как муж. Живём вместе. Он сейчас наверху, провода чинит. Спустится — познакомлю.

Она отложила железяку и вытерла руки о штанину. Руки у неё были сильные, с коротко остриженными ногтями и царапинами на костяшках.

— Ну, рассказывай, — сказала она, садясь обратно на табурет. — Ты откуда, зачем, и почему Лёша тебя ко мне послал, а не к Славе.

— Я исследователь, — сказал я. — Этнограф. Приехал изучать местные традиции. Славянские праздники, переходные обряды, фольклор. У меня заявка от университета.

— А, — протянула она. — Учёный. Понятно.

— А что непонятного?

— Да всё понятно. Вы все такие. Приезжаете с папками, записываете бабушек, уезжаете писать статьи. Только бабушки наши не очень-то любят, когда их записывают.

— Я не буду настаивать. Просто понаблюдаю. Поговорю с теми, кто согласится.

Маша посмотрела на меня внимательно. Потом кивнула, как будто приняла решение.

— Ладно. Поговоришь. Только сначала слушай меня. Лёша правильно тебя ко мне послал. Потому что я тебе скажу три вещи, и если ты их запомнишь, может, и уедешь отсюда с целой головой.

Я достал гаджет и открыл приложение для заметок.

— Записывай, — кивнула она. — Первое. Вертолёт этот видишь? Он летает. Но только в феврале. В остальные месяцы мы его не трогаем, и никто к нам не летает. Потому что в феврале — окно.

— Какое окно?

— Воздушное. Дух закрывает небо. Радары нас не видят, спутники не снимают. Как он это делает, я не знаю, и не спрашивай. Просто знаю: в феврале можно летать, а в марте уже нельзя. Если попробуешь — придут.

— Кто придёт?

— Не знаю. Но придут. Это первое.

Я записал: *«Вертолёт — только февраль. Дух закрывает небо. Кто придёт — неизвестно»*.

— Второе, — продолжала Маша. — Тропы. Ты по какой шёл?

— По единственной.

— Вот и хорошо. Запомни её. И не сходи. Тропы у нас живые. Сегодня одна, завтра другая. Если не знаешь, куда ставить ногу — не ставь. Лес не прощает.

— Лес?

— А что ещё? Мы в лесу живём, учёный. И лес нас терпит. Пока терпит.

Она замолчала, посмотрела куда-то в угол, где паук медленно перебирал лапами. Потом снова повернулась ко мне.

— И третье. Деды.

— Это кто?

— Старики в лесу. Их много. Они живут там, в чаще. Ты их, может, увидишь, может, нет. Запомни одно: они не трогают молодых. Пока Он держит поводок.

— Кто — Он?

— Не знаю. Дядя Слава знает. Он тебе расскажет, если сочтёт нужным. А ты просто запомни: не лезь к Дедам. Не разговаривай с ними. Не смотри им в глаза. Если увидишь — замри и жди, пока уйдут. Они обычно уходят.

— А если не уйдут?

Маша посмотрела на меня серьёзно. Улыбка исчезла.

— Тогда помолись, — сказала она. — Кому угодно. Может, услышат.

Сверху слышались шаги, скрипнула лестница. Спустился мужчина — высокий, худой, в вязаном свитере. Он нёс в руках клубок проводов. Посмотрел на меня, кивнул и пошёл к верстаку.

— Лёнь, — сказала Маша. — Это Вадим. Учёный. Из города.

— Ага, — сказал Леонид, не поднимая головы.

— Он у нас немногословный, — объяснила Маша. — Но хороший. Барсика любит больше, чем меня.

Леонид хмыкнул, но не обернулся. Я смотрел на него и чувствовал себя неуютно. Не потому, что он был неприветлив — просто от него исходило странное спокойствие. Как будто он знал что-то, чего не знала даже Маша. И это знание было тяжёлым, но он нёс его легко.

— Ты надолго? — спросила Маша.

— Недели на две. До конца февраля.

— Аккуратно к Пиру поспел, — хмыкнула она. — Ну, раз так, пойдём к Славе. Он тебе комнату даст, расскажет, что можно, что нельзя. А я пока вертолёт докручу.

Она встала, потянулась, хрустнула шеей.

— Ты гаджет свой выключи, кстати. Здесь он тебе не помощник.

— Почему?

— Потому что он здесь не работает, — сказала она просто. — Не потому, что сети нет. А потому что не надо ему здесь работать. Он начинает думать лишнее. Понял?

Я посмотрел на экран. Гаджет молчал. Но в углу, где обычно показывалась иконка батареи, вместо процентов светилось слово:

«Слушай».

Я моргнул. Слово исчезло. На его месте снова появились привычные 87%.

— Понял, — сказал я.

— Вот и молодец. Пошли.

Мы вышли из ангара. Туман стал гуще. Я оглянулся — вертолёт скрылся за воротами, и только жёлтый свет сочился из щели. Леонид так и не вышел проводить нас.

Маша шла быстро, не оборачиваясь. Я шёл за ней и думал о том, что только что услышал. «Поводок». «Дух». «Окно». Это был тот самый фольклор, за которым я приехал. Живой, неискажённый, без наслоений городской мифологии.

Но что-то было не так.

Маша рассказывала это слишком буднично. Не как бабушка у печки, которая пугает внучат страшилками, а как механик, который объясняет, как менять масло. Это была её правда. Её реальность.

— Маш, — сказал я. — А что будет, если я всё-таки подойду к Деду?

Она не остановилась. Только плечи её напряглись.

— Вадим, — сказала она тихо. — Ты умный. Я вижу. Но здесь ум не помогает. Здесь помогает только одно — не лезть, куда не просят. Запомни это. И, может, уедешь отсюда тем же, кем приехал.

Я промолчал.

Мы шли по тропе, и гаджет в моём кармане снова завибрировал. Я не стал его доставать. Я просто почувствовал, как он нагрелся сквозь ткань. И ещё я почувствовал, что кто-то смотрит мне в спину.

Я обернулся.

Тропа позади была пуста. Только туман клубился между елей. И где-то далеко, в чаще, тихо хрустнула ветка.

Я достал гаджет и открыл дневник. Пальцы немного дрожали — от холода, наверное. Я написал:

«День 1. Прибыл в пункт назначения. Местные: Машиа (механик, пилот, очень разговорчивая), Леонид (её партнёр, молчун, держит паука). Первый информант: водитель автобуса Лёша.

Зафиксированные элементы локальной мифологии:

Февральское окно — период, когда вертолётчики могут летать незамеченными. Связано с неким Духом.

Деды — старики, живущие в лесу. Имеют иерархию. Он держит их на поводке.

Тропы — живые, меняются.

Гаджет работает нестабильно. Странные уведомления (Слушай, Ориентация потеряна). Возможно, влияние магнитных аномалий или низких температур.

Завтра: встреча со Славой (дядя Слава, старейшина). Нужен план интервью.

P.S. Пахнет странно. Сладко. Как будто где-то гниют цветы. Февраль, а цветы. Надо будет спросить у Машии».

Я сохранил запись. Экран погас. И на мгновение, прежде чем он стал чёрным, я увидел своё отражение.

И рядом с моим лицом — ещё одно. Бледное, расплывчатое, с пустыми глазами.

Я дёрнулся. Гаджет выскользнул из рук и упал в снег.

— Ты чего? — обернулась Маша.

Я поднял гаджет, отряхнул. Экран был чист. Только моё лицо. Только снег. Только туман.

— Ничего, — сказал я. — Показалось.

Маша посмотрела на меня долго. Потом кивнула.

— Здесь часто кажется, — сказала она. — Это нормально. Пока кажется — значит, ты ещё свой. Хуже, когда перестаёт казаться.

И пошла дальше.

Я сунул гаджет в карман и зашагал за ней. Снег хрустел под ногами. Где-то впереди, в тумане, уже виднелись крыши деревни. И из трубы одной из изб шёл густой, белый дым.

Пахло дымом. И чем-то сладким. И ещё — Белым пивом, которое я тогда не знал, но которое уже ждало меня. Февраль только начинался.

Глава 2.

Таверна дяди Серёжи

Деревня оказалась больше, чем я думал.

Из тумана сначала выплыл забор — высокий, из потемневших от времени жердей, с воротами, которые никто не запирает. Потом дома: деревянные, с резными наличниками, некоторые — в два этажа, с покосившимися крыльцами. Окна светились тёплым жёлтым светом, и от этого деревня казалась живой, будто дышала.

Маша шла быстро, рассказывая без умолку. Оказалось, она любит говорить. О чём угодно — о погоде, о вертолёте, о том, как трудно достать нормальные запчасти, о том, что Барсик вчера съел сверчка и теперь «капризничает». Я слушал, кивал, изредка задавал вопросы. Она отвечала охотно, перескакивая с темы на тему, и я ловил себя на мысли, что мне это нравится. После напряжённого молчания водителя её болтовня казалась глотком воздуха.

— А ты сам-то откуда? — спросила она, когда мы проходили мимо колодца.

— Из Питера.

— О, культурная столица. Музеи, белые ночи. Скучаешь, наверное.

— Не особо. Я по работе больше.

— А жена? Дети?

— Нет. Ни того, ни другого.

Маша посмотрела на меня с любопытством, но без осуждения.

— Холостяк, значит. Ну, это хорошо. Меньше будешь переживать, когда лес начнёт чудить.

— Лес чудит?

— Да ты не бойся. Я так, к слову. Просто у нас тут всё живое. И лес, и дома, и даже забор вон тот. Он, говорят, раньше сам ходил, на место вставал, где удобнее.

Она засмеялась. Я не понял, шутит она или нет, но тоже улыбнулся.

— А вот и таверна, — сказала она, кивая вперёд.

Таверна стояла в центре деревни, на небольшой площади. Это было большое бревенчатое здание с широкой верандой и вывеской, на которой было написано просто: «У Серёжи». Буквы выгорели, но читались легко. Из труб шёл густой белый дым, а из открытых дверей доносились голоса, смех и тихая музыка — кто-то играл на гитаре.

Маша толкнула дверь, и мы вошли.

Внутри было тепло, дымно и пахло жареным луком, хлебом и чем-то резким, спиртовым. Зал был большой, с длинными деревянными столами и лавками. У дальней стены — барная стойка, за которой стоял мужчина лет шестидесяти пяти, с седой бородой и длинными волосами, собранными в хвост. Он протирал кружку тряпкой и что-то бубнил себе под нос.

— Серёжа! — крикнула Маша. — Гость к тебе!

Мужчина поднял голову. Глаза у него были хитрые, с прищуром, как у человека, который всё видит, но не всё говорит.

— О, Машка! — Он заулыбался. — Давно не заходила. Вертолёт починила?

— Почти. Вот, Вадима привела. Из города. Учёный.

Серёжа посмотрел на меня оценивающе. Потом на Машу. Потом снова на меня.

— Учёный, значит. И что, с деньгами?

Маша закатила глаза.

— Серёжа, ну что ты сразу. Человек только приехал.

— А что такого? — не смутился он. — Я люблю людей с деньгами. Они заказывают, пьют, едят. А кто без денег — те сидят, воду пьют и мне нервы треплют. Я таких не люблю.

Он поставил кружку на стойку и подошёл ближе.

— Ну, здравствуй, учёный. Я Серёжа. Хозяин этого заведения. В прошлом — музыкант, в настоящем — трактирщик, в будущем — кто знает. Может, снова музыкант, если Белка хорошая попадётся.

— Белка? — переспросил я.

— Напиток такой. Наш, местный. Не бойся, не ядовитый. Ну, почти.

Маша подошла к стойке, достала из кармана кошелька несколько купюр и положила перед ним.

— Дай нам по кружке. И хлеба с салом. И Вадиму комнату на неделю.

Серёжа просиял. Деньги он любил.

— Будет сделано! Комнату дам хорошую, на втором этаже, окно на лес. Хлеб свежий, сало от Васи. А Белку — он подмигнул, — особенную. Михаил сегодня принёс. Свежая.

Он повернулся и пошёл куда-то вглубь здания, бормоча: «Учёный, значит. Может, и вправду с деньгами»

Маша села за стол у окна и похлопала по лавке рядом.

— Садись. Серёжа свой парень. Только не обижайся на его слова про деньги. Он так со всеми. Если ты ему понравишься — он тебе ещё и скидку сделает. А если нет — будет задирать цены и бубнить про заговоры.

— Заговоры?

— О да. У него теорий — на целую книгу. То правительство нас травит через воду, то инопланетяне вертолёты наши воруют, то Парабай вообще придумали масоны, чтобы контролировать народные массы.

— А что такое Парабай?

Маша на секунду замолчала. Потом пожала плечами.

— Праздник наш. В конце февраля. Пир Семян. Ты как раз к нему попал.

— И что на нём делают?

— Пьют. Едят. Поют песни. В общем, веселятся. Только — она понизила голос, — только это не совсем веселье. Это как бы объяснить как клапан. Понимаешь?

— Нет.

— Ну, представь котёл. Он кипит, давление растёт. Если не открыть клапан — рванёт. Вот Парабай — это клапан. Мы пьём, поём, и давление сбрасывается. Иначе — она махнула рукой, — иначе плохо будет.

— Кому плохо?

— Всем.

Серёжа вернулся с подносом: две кружки с белой жидкостью, тарелка хлеба, сало, солёные огурцы. Поставил перед нами и сел на край стола.

— Ну, учёный, рассказывай. Зачем к нам приехал? Фольклор собирать?

— Да. Меня интересуют локальные традиции, связанные с переходом зимы в весну.

Серёжа хмыкнул.

— Переход зимы в весну. Красиво сказано. Только у нас тут не переход, а как его перелом. Зима не уходит, она сдаётся. И не всегда добровольно.

Он отпил из своей кружки, поморщился.

— Белка сегодня горчит. Михаил, наверное, травы переложил. Или недоложил. Кто его разберёт, этого врача.

— Михаил — врач?

— Ага. Талантливый. Только лечит он не болезни, а души. Белкой. Пьёшь — и забываешь, зачем жил. А потом снова пьёшь, чтобы вспомнить. Замкнутый круг.

Маша засмеялась.

— Серёжа, ты опять за своё. Вадим, не слушай его. Он всегда так.

— А что, неправда? — обиделся Серёжа. — Я в молодости сам пил. Музыкантом был, гитаристом. Играл в группе, гастролировал. А потом приехал сюда, попробовал Белку — и всё. Пропал. Год пил, два пил. Чуть совсем не свихнулся. Хорошо, Слава вытащил. Сказал: «Серёжа, хватит. Строй таверну. Пусть другие пьют, а ты смотри». Вот и смотрю.

Он замолчал, глядя в кружку. Потом вдруг оживился.

— А знаешь, что я тебе скажу, учёный? Парабай — это не наш праздник.

Маша вздохнула.

— Серёжа, ну опять

— Нет, послушай! — он повернулся ко мне. — Я думал, разбирался. Парабай — это не славянский праздник. Это это вообще не наш. Его нам навязали. Кто? Не знаю. Может, те, кто сверху. Может, те, кто снизу. Но точно не мы его придумали.

— А кто?

— А вот это вопрос! — он ткнул в меня пальцем. — Ты же учёный. Вот и разберись. Я думаю, это эксперимент. Социальный. Или биологический. Нас изучают. Через Парабай. Через Белку. Через Дедов.

— Дедов?

— А ты не знал? Деды — это не просто старики. Это это — он огляделся, понизил голос, — это бывшие люди. Те, кто прошёл обряд. Они теперь не совсем люди. Но и не совсем другое. Они на привязи. У Колдуна.

Я быстро достал гаджет и открыл заметки. Записал: *«Серёжа (хозяин таверны, бывший музыкант). Теории заговора: Парабай — навязан извне, эксперимент. Деды — бывшие люди на привязи у Колдуна»*.

Гаджет мигнул. На экране появилось уведомление:

«Запись сохранена. Продолжай слушать».

Я нахмурился. Смахнул уведомление.

— Серёжа, а кто такой Колдун?

Но прежде чем он успел ответить, дверь таверны открылась, и вошёл мужчина лет пятидесяти пяти. Высокий, широкоплечий, с седыми висками и спокойным лицом. Он был в простом свитере и валенках, но от него исходило ощущение силы и власти. Не той, что кричит, а той, что молчит.

Все в таверне замолчали. Даже Серёжа замолк на полуслове.

Мужчина подошёл к нашему столу и сел напротив меня.

— Здравствуй, Вадим, — сказал он. Голос у него был низкий, ровный. — Я Слава. Маша сказала, ты приехал.

— Здравствуйте, — сказал я. — Вы старейшина?

Он усмехнулся.

— Можно и так. Просто Слава. Дядя Слава, если хочешь. Маша, здравствуй.

— Здравствуй, Слава, — ответила она. — Вот, привела. Как обещала.

Слава кивнул и посмотрел на меня внимательно. Глаза у него были серые, глубокие, как колодец.

— Ты этнограф, — сказал он. — Изучаешь традиции. Это хорошо. Но здесь традиции — это не то, что ты думаешь. Это не сказки на ночь. Это правила. И если ты их нарушишь, будет плохо.

— Я не собираюсь ничего нарушать, — сказал я. — Я просто наблюдаю.

— Наблюдай, — кивнул он. — Но помни: некоторые вещи лучше не видеть. Некоторые слова — не слышать. Некоторые двери — не открывать.

Он замолчал, взял кружку Маши, отпил глоток.

— Ты знаешь про Дедов?

— Серёжа сказал, что они на привязи у Колдуна.

Слава бросил на Серёжу быстрый взгляд. Тот пожал плечами.

— Серёжа много чего говорит. Но в целом он прав. Деды — это те, кто прошёл обряд. Они живут в лесу. У них есть иерархия: послушник, ученик, старший, первый. И над всеми — Колдун. Он держит их на поводке. Всегда. Кроме февраля.

— Почему кроме февраля?

— Потому что февраль — это Парабай. Это время, когда поводок ослабевает. Колдун отпускает их, чтобы они могли отдохнуть, что ли. А мы празднуем. Пьём Белое пиво, поём песни. Это наш способ выжить. Потому что если мы не будем праздновать, они могут забыть, что они были людьми.

Я записывал быстро, стараясь не упустить ни слова. Гаджет работал исправно, но в углу экрана мигала иконка батареи — 4%. Хотя час назад было 87%.

— А кто такой Колдун? — спросил я.

Слава посмотрел на меня долго. Потом сказал:

— Это тот, кто начал всё. Давно. Очень давно. Он создал заклинание. Семя. Из этого семени можно вырастить что угодно. Даже живое. Даже Дедов.

— И где он сейчас?

— Никто не знает. Может, мёртв. Может, жив. Может, стал одним из них. Может, он и есть первый из них.

Он замолчал, глядя в окно. За окном было темно, и только туман клубился между домами.

— Вадим, — сказал он наконец. — Я дам тебе комнату. Ты будешь жить здесь, в таверне. Серёжа не обидит. Но помни одно: не ходи в лес ночью. Не разговаривай с Дедами. Не пей Белку, если тебе не предлагают. И главное — не пытайся понять всё сразу. Здесь правда приходит медленно. Как снег.

Я кивнул.

— Спасибо.

Он встал.

— Маша, проводи его. Комната наверху, вторая дверь направо. Утром придёшь ко мне, поговорим ещё.

Он ушёл. Таверна снова зашумела, заговорила. Серёжа налил себе ещё Белки и начал рассказывать кому-то про инопланетян.

Маша допила свою кружку и встала.

— Пойдём. Тебе пора спать. Завтра тяжёлый день.

Комната оказалась маленькой, но уютной. Кровать, стол, стул, окно. За окном — лес, чёрный и неподвижный.

Маша включила свет — тусклую лампочку под потолком — и повернулась ко мне.

— Ну, как тебе первый день?

— Станный, — честно сказал я.

— Это нормально. Здесь всё странное. Ты привыкнешь. Или нет. Но старайся.

Она подошла к двери, остановилась.

— Вадим. Если ночью услышишь что-то странное — не выходи. Просто лежи и жди утра. Хорошо?

— Хорошо.

— И гаджет свой выключи. На ночь. Здесь он мешает.

Она ушла. Я остался один.

Сел на кровать. Достал гаджет. Батарея показывала 1%. Странно. Я подключил зарядку, но экран не загорелся. Гаджет был мёртв.

Я положил его на стол, рядом с часами. Часы шли, но секундная стрелка подёргивалась, как будто не знала, куда двигаться.

За окном было тихо. Слишком тихо. Ни ветра, ни собак, ни машин. Только лес.

Я лёг, не раздеваясь, закрыл глаза и тут же услышал тихий, далёкий звук. Как будто кто-то пел. Песню, которую я не знал, но которая казалась знакомой. Голос был мужской, хриплый, с надрывом. Он пел о чём-то важном, о чём-то потерянном.

Я открыл глаза. Комната была пуста. За окном — темно.

Пение продолжалось. Где-то далеко. В лесу.

Я повернулся на бок и попытался уснуть. Но сон не шёл. А песня звучала, звучала, звучала

Глава 3.

Сосиски

Утро началось с запаха.

Того самого — сладкого, приторного, как гниющие цветы. Он просочился через щели в окнах, пропитал подушку, одежду. Я открыл глаза и несколько секунд не мог понять, где нахожусь. Комната была чужой. За окном — серый рассвет, туман ещё не рассеялся.

Гаджет лежал на столе, подключённый к зарядке. Экран горел — 100%. Хотя вчера он был мёртв при одном проценте.

Я взял его в руки. На экране висело уведомление:

«Зарядка завершена. Рекомендую выйти на улицу».

Я хмыкнул. Странные алгоритмы у этого устройства. Смахнул уведомление, открыл дневник и написал:

«День 2. Утро. Запах стал сильнее. Гаджет зарядился сам по себе (?) — возможно, сбой индикации батареи. Ночью слышал пение из леса. Мужской голос, хриплый. Местный фольклор? Надо спросить у Маши или Славы.

Сегодня: встреча с дядей Славой (продолжение интервью), исследование деревни. Вечером Серёжа обещал познакомить с интересными людьми.

P.S. Часы идут нормально. Стрелки на месте. Может, вчера просто показалось».

Я сохранил запись, оделся и спустился вниз.

В таверне было пусто, если не считать Серёжи, который мыл полы. Он увидел меня и заулыбался.

— А, учёный! Доброго утра. Завтрак на столе — каша, хлеб, чай. Бесплатно, так и быть.

— Спасибо, — сказал я, садясь за стол. — Серёжа, а кто пел ночью? Я слышал песню из леса.

Серёжа перестал мыть. Посмотрел на меня внимательно.

— Пел, говоришь? Мужской голос?

— Да. Хриплый.

— Это Вася. Рум-бум-бум. Местный наш ну, как его певец. Он по ночам бродит, поёт. Никому не мешает. Ты не бойся.

— А почему Рум-бум-бум?

Серёжа махнул рукой.

— Да так прозвали. Он раньше с другом был, с Серёгой. Вместе везде ходили, вместе пили, вместе пели. А потом Серёга ушёл. В лес. К Дедам. Вася не выдержал. Начал пить, петь по ночам. Вот и зовут его теперь Рум-бум-бум. Потому что он всё время напевает: «Рум-бум-бум, рум-бум-бум»

Он замолчал, потом добавил тише:

— Тяжёлая история. Ты с ним поосторожнее. Он не злой, просто потерянный.

Я кивнул, записал в гаджет: *«Вася Рум-бум-бум — местный певец, потерял друга Серёгу, который ушёл к Дедам. Пьёт, бродит по ночам».*

Дядя Слава ждал меня у себя дома — небольшом, но крепком срубе на окраине деревни. Внутри было чисто, пахло травами и деревом. На стенах висели старые фотографии, карты, какие-то схемы.

Слава сидел за столом, пил чай. Перед ним лежала толстая тетрадь в кожаном переплёте.

— Садись, — сказал он. — Будем говорить.

Я сел. Он открыл тетрадь, достал очки.

— Ты вчера спрашивал про Колдуна. Я не ответил. Сегодня отвечу. Но сначала ты мне скажи: зачем ты здесь на самом деле?

Я удивился.

— Я же говорил — этнографическое исследование. Фольклор, традиции

— Вадим, — перебил он мягко. — Я не глупый. Сюда приезжали учёные и раньше. Они записывали песни, обряды, уезжали. Никто не оставался до Парабая. А ты остался. Почему?

Я задумался. Честно говоря, я и сам не знал ответа. Заявка была подписана, руководство одобрило, билеты куплены. Всё было логично. Но сейчас, сидя перед этим спокойным, всё видящим человеком, я почувствовал, что логика здесь не работает.

— Не знаю, — сказал я наконец. — Может, потому что здесь настоящее. Не постановка для туристов. Не фольклорный ансамбль в народных костюмах. Здесь люди живут так, как верят. Это редкость.

Слава кивнул, как будто ожидал именно этого ответа.

— Хорошо. Тогда слушай. Я расскажу тебе то, что знаю. Не всё — всего я и сам не знаю. Но то, что досталось от предков, от дедов, от прадедов.

Он открыл тетрадь. Страницы были исписаны аккуратным почерком, с рисунками, схемами, датами.

— Парабай — это не просто праздник. Это механизм. Древний механизм, который работает уже сотни лет. Может, тысячи. Мы не знаем точно. Знаем только: если его не провести, будет плохо.

— Что именно будет?

— Лес проснётся. По-настоящему. Не так, как сейчас, когда он просто живёт. А так, как он жил до того, как Колдун создал заклинание Семя.

— А что было до Колдуна?

Слава посмотрел на меня долго.

— До Колдуна здесь не было людей. Только лес. И те, кто в лесу жил. Деды. Но тогда они не были Дедами. Они были другими. Хозяевами. А люди пришли позже. И Колдун пришёл. И создал заклинание. И подчинил их. С тех пор мы живем. Но плата за это — Парабай. Каждый год. Каждый февраль.

Он перевернул страницу. На ней была схема: круг, разделённый на сектора, с символами, которых я не понял.

— Иерархия Дедов. Смотри: внизу — послушники. Те, кто только начал обряд. Они ещё помнят, кто они. Потом — ученики. Они уже забывают. Потом — старшие. Они почти не люди. И наверху — Первый. Тот, кто ближе всех к Колдуну. Может, он и есть Колдун. Может, нет. Мы не знаем.

— А обряд — это что?

— Это переход. Человек уходит в лес. Его встречают. Над ним совершают ритуал. И он становится одним из них. Бессмертным, но застывшим. Он не стареет, не умирает. Но и не живёт. Он просто есть.

— И многие соглашаются?

Слава усмехнулся.

— Согласие — слово относительное. Одни идут сами. Старики, которые устали. Потерявшие смысл. Они думают: лучше быть Дедом, чем умереть. Другие других уговаривают. Обманом, манипуляцией. Деды умеют говорить. Они знают, что сказать, чтобы человек захотел уйти.

— А если не захочет?

— Тогда его отпускают. Деды не берут силой. Только добровольно. Но добровольно — это не всегда осознанно. Понимаешь?

Я понимал. И это было страшно.

— А Колдун? Он жив?

Слава закрыл тетрадь.

— Не знаю. Может, жив. Может, нет. Может, он стал Первым. Может, он растворился в лесу. Но одно я знаю точно: он держит поводок. Всегда. Кроме Парабая. В Парабай поводок ослабевает. Деды становятся свободнее. И тогда тогда нужно быть осторожным.

Он посмотрел на меня в упор.

— Вадим. Ты приехал к Парабаю. Это не случайно. Никто не приезжает случайно. Лес зовёт тех, кто нужен. Вопрос только: зачем ты ему нужен?

Я не знал, что ответить.

Остаток дня я бродил по деревне. Говорил с людьми — неохотно, но говорили. Записывал, фотографировал (хотя гаджет иногда выдавал странные артефакты на снимках — размытые силуэты, которых я не видел). Встретил Виктора у озера — он рыбачил, хотя лёд был тонкий. Виктор оказался словоохотливым, рассказал про деревню, про соседей, про то, что «всё тут нормально, если не лезть куда не надо». Про Дедов говорить не захотел. Сказал: «Суеверия это. Бабы придумали». Но глаза его бегали.

К вечеру я вернулся в таверну. Серёжа встретил меня у двери.

— А, учёный! Как раз вовремя. Сегодня у нас собрание. Закрытое. Но для тебя, так и быть, сделаем исключение. Серёжа любит учёных. Они платят за знания.

— Какое собрание?

— Клуб наш. «Сосиски». Мужской клуб. Покер, Белка, разговоры за жизнь. Женщины только как +1, и то не всегда. Пойдёшь?

Я колебался. С одной стороны, это было именно то, что нужно этнографу — закрытое мужское сообщество, ритуалы, иерархия. С другой — что-то меня настораживало.

— Пойду, — сказал я.

Комната для собраний оказалась на втором этаже таверны, за тяжёлой дубовой дверью. Внутри было дымно, пахло табаком и той самой Белкой. Большой круглый стол, зелёное сукно, карты, фишки. За столом сидели пятеро мужчин.

— Знакомься, — сказал Серёжа. — Это Михаил. Врач. Делает Белку.

Михаил — молодой, лет тридцати, с усталыми глазами и цепким взглядом. Кивнул мне, не улыбнулся.

— Это Кос.

Кос — загадочный, молчаливый, с лицом, которое невозможно запомнить. Просто кивнул.

— Максим. Теоретик.

Максим — интеллектуал, в очках, с стопкой книг рядом. Посмотрел на часы, пробормотал: «Опять опоздал» — хотя он уже сидел за столом.

— Зелёный. Травник.

Зелёный — харизматичный, с горящими глазами, в какой-то странной одежде, напоминающей то ли хиппи, то ли шамана. Улыбнулся широко, как старый друг.

— Иван. Свой парень.

Иван — простоватый, крепкий, с открытым лицом. Помахал мне рукой.

— И Вася. Рум-бум-бум.

Вася — худой, с тёмными кругами под глазами, нервный. Кивнул, не глядя на меня.

— А я Серёжа. Хозяин. Садись, учёный. Играешь в покер?

— Немного.

— Отлично. Ставки — Белка. Кто проигрывает — пьёт. Кто выигрывает — тоже пьёт. У нас так.

Я сел. Серёжа разлил Белку по стаканам. Жидкость была прозрачная, с лёгким молочным оттенком. Пахла травами и спиртом.

— За знакомство! — провозгласил Зелёный. — За новые знания! За Парабай!

Все выпили. Я тоже. Белка обожгла горло, разлилась теплом по груди. Голова сразу стала лёгкой.

— Ну, учёный, — сказал Михаил, тасуя карты. — Рассказывай. Что ты уже узнал про наш край?

— Немного, — сказал я осторожно. — Про Дедов. Про Парабай. Про Колдуна.

— А, Колдун, — усмехнулся Зелёный. — Это миф. Красивый миф, но миф. Никакого Колдуна нет. Есть только лес. И Дух Парабая. И Смеланья.

— Смеланья? — переспросил я.

Все замолчали. Кос посмотрел на Зелёного с интересом.

— Откуда ты знаешь это имя? — спросил он тихо.

Зелёный смутился.

— Ну из книг. Из легенд. Смеланья — дочь Колдуна и Салиды. Мост между мирами. Я читал.

— Где читал? — не отставал Кос.

— Да везде! В интернете, в библиотеке

Кос покачал головой, но ничего не сказал. Михаил раздал карты.

Игра началась.

Я проигрывал. Постоянно. То ли Белка действовала, то ли я не умел играть, то ли местные жульничали — не знаю. Но через час я выпил уже четыре стакана, и голова кружилась.

Вася молчал всю игру. Только пил. Много. стакан за стаканом. Глаза его становились всё более пустыми.

— Вася, хватит, — сказал Михаил. — Ты уже достаточно.

— Ещё, — хрипло сказал Вася. — Наливай.

Михаил пожал плечами, налил. Вася выпил залпом.

И вдруг заговорил.

— А Серёга-то он ведь не хотел. Не хотел уходить. Это они его забрали. Деды. Обманом. Сказали: «Пойдём, покажем тебе настоящее». А он пошёл. Думал, приключение. А они они его сделали. Одним из них.

Все молчали. Только карты шуршали.

— Я искал его, — продолжал Вася. — Год искал. Два. Ходил в лес, звал. Никто не откликнулся. А потом потом я увидел его. На опушке. Стоит. Смотрит на меня. А глаза глаза пустые. Как стекло. Я закричал: «Серёга! Это я, Вася!» А он он даже не моргнул. Просто стоял. А потом ушёл. В лес. И больше я его не видел.

Он замолчал. Слёзы текли по его лицу, но он, казалось, не замечал.

— Вот почему я пою, — сказал он тихо. — Может, он услышит. Может, вспомнит. Рум-бум-бум, рум-бум-бум

Он запел. Тихо, хрипло, с надрывом. Песню, которую я слышал ночью.

Все молчали. Даже Зелёный не улыбался.

Я достал гаджет, чтобы записать. Но экран был чёрный. Мёртв. Хотя я только что зарядил его до ста процентов.

Дверь открылась. Вошёл парень лет восемнадцати, худой, с тростью. Лицо умное, но злое.

— Миш, нупусти меня, — сказал он. — Я тоже хочу. Я свой.

Михаил покачал головой.

— Ербол, нет. Ты знаешь правила. Клуб только для взрослых.

— Мне восемнадцать! Я взрослый!

— Восемнадцать — это не взрослый. Взрослый — это когда ты понимаешь, что делаешь. А ты ты Белки перепьёшь и начнёшь секретные вещи болтать. Нет, Ербол. Иди домой.

Ербол сжал кулаки.

— Ты просто жадный, Михаил! Ты не хочешь делиться Белкой! Ты

— Ербол, — тихо сказал Кос. — Иди. Сейчас не время.

Ербол посмотрел на Коса. Потом на Михаила. Потом на всех нас. И ушёл, хлопнув дверью.

— Кто это? — спросил я.

— Ербол, — ответил Иван. — Местный гений. Инвалид, но умный, как чёрт. Мечтает попасть в клуб. Но Михаил его не пускает.

— Почему?

Михаил пожал плечами.

— Потому что он слишком умный. И слишком хрупкий. Белка его сломает. А мне потом его лечить.

Вечер закончился поздно. Я едва держался на ногах. Белка оказалась коварной — не пьяной, а какой-то туманной. Голова не болела, но мысли путались, слова ускользали.

Маша пришла за мной. Она была с Леонидом — он, оказывается, тоже член клуба, но пришёл поздно, уже после того, как я проиграл всё, что можно.

— Пойдём, учёный, — сказала она. — Хватит тебе.

Она взяла меня под руку, повела наверх. Леонид шёл следом, молчаливый, как всегда.

— Маш, — пробормотал я. — А кто такая Смеланья?

Она остановилась. Посмотрела на меня внимательно.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Зелёный сказал. За столом.

Маша помрачнела.

— Зелёный много чего говорит. Не верь ему. Смеланья это не для пьяных разговоров. Это святое. Понимаешь?

— Нет.

— Потом поймёшь. А сейчас спи.

Она привела меня в комнату, уложила на кровать. Леонид стоял в дверях, смотрел на меня своими спокойными глазами.

— Спокойной ночи, Вадим, — сказала Маша.

— Спокойной ночи, — пробормотал я.

Они ушли. Я закрыл глаза. И тут же услышал. Не пение. Шёпот. Тихий, далёкий, но отчётливый. Как будто кто-то говорил прямо в ухо:

«Вадим Вадим Ты слышишь?..»

Я открыл глаза. Комната была пуста. Гаджет лежал на столе. Экран горел. На нём было сообщение:

«Они ждут тебя. Приходи к озеру. Один».

Я смотрел на экран долго. Потом выключил гаджет.

Закрыв глаза и уснул.

Глава 4.

Рум-бум-бум

Утром я проснулся с головной болью. Не той, что бывает после водки или вина — острой, пульсирующей. А другой — тупой, вязкой, будто в голову налили песок и он медленно пересыпался от виска к виску. Белка. Проклятая Белка.

Я сел на кровати. Комната была холодной, окно покрыто инеем. Гаджет лежал на столе, экран тёмный. Я нажал на кнопку — загорелся. 73%. Вчера я его выключил на нуле. Значит, он снова зарядился сам. Или кто-то его зарядил.

Я открыл уведомления. Помимо вчерашнего сообщения (*«Они ждут тебя. Приходи к озеру. Один»*), появилось новое:

«Голосовая запись обнаружена. Длительность: 4:17. Воспроизвести?»

Я не помнил, чтобы что-то записывал. Нажал «Воспроизвести».

Из динамика полился звук. Сначала — тишина, потом шорох, как будто кто-то шевелился во сне. Потом голос. Мой голос. Но я не помнил, чтобы говорил это:

«дверь закрыта, пока не придёт Пир он держит поводок, но поводок рвётся ты слышишь, Вадим? Ты слышишь, как рвётся?..»

Я выключил запись. Руки дрожали.

Я не говорил этого. Я не мог этого говорить. Во-первых, я не знал этих слов до вчерашнего вечера. Во-вторых, голос был мой, но интонация — чужая. Как будто кто-то говорил моим ртом, пока я спал.

Я открыл дневник и написал:

«День 3. Утро. На гаджете — голосовая запись, которую я не делал. Мой голос, чужие слова. Дверь закрыта, пока не придёт Пир. Поводок рвётся. Возможно, я говорил во сне. Возможно, это влияние Белки. Возможно, гаджет записал чужой голос и наложил на мой. Нужна проверка.

Сегодня: хочу найти Васю. Его песня не выходит из головы. В ней есть что-то настоящее. Не фольклор в учебниковом смысле, а живая боль. Может, через неё я пойму больше, чем через интервью со Славой.»

Машу я нашёл у ангара. Она копалась в двигателе вертолёт, руки по локоть в масле.

— Доброе утро, учёный! Как голова?

— Как будто в ней живёт кто-то другой.

— Это Белка, — кивнула она. — Она не похмелье даёт, а как бы сказать присутствие. Будто кто-то поселился в тебе на ночь и не ушёл. Пройдёт к обеду.

— Маш, а где Вася живёт?

Она выпрямилась, вытерла руки тряпкой.

— Зачем тебе Вася?

— Хочу поговорить. Вчера он пел, и мне кажется, в его песнях есть что-то важное. Для моего исследования.

Маша посмотрела на меня оценивающе.

— Ты правда так думаешь? Или Белка ещё говорит?

— Правда.

Она помолчала. Потом кивнула.

— Ладно. Только слушай меня внимательно. Вася живёт в избушке на окраине, за таверной, по тропе вдоль ручья. Тропа короткая, не заблудишься. Но, Вадим если он начнёт петь

— не прерывай. И не записывай. Просто слушай. Он не любит, когда записывают. Говорит, что запись крадёт голос.

— А если я забуду слова?

— Запомнишь. Поверь мне. Его песни запоминаются сами. Это проблема.

Тропа вдоль ручья была узкой и скользкой. Ручей не замёрз — вода текла тёмная, тяжёлая, пахнувшая железом. Туман лежал над ней, как одеяло. Я шёл осторожно, держась за ветки, и слушал. Лес молчал. Ни птиц, ни ветра. Только вода и мои шаги.

Избушку я увидел минут через десять. Маленькая, вросшая в землю, с крышей, поросшей мхом. Дверь была открыта. Изнутри тянуло дымом, табаком и чем-то кислым — старая бумага, может.

Я постучал.

Никто не ответил. Я заглянул внутрь.

Вася сидел на полу, спиной к стене, и перебирал обрывки бумаги. Вокруг него были разбросаны тетради, листы, клочки. Некоторые были исписаны, другие — обуглены, третьи — просто мокрые, как будто он плакал на них. Он не поднял головы.

— Вася? — сказал я тихо.

Он продолжал перебирать бумаги. Потом, не глядя, сказал:

— Ты тот учёный. Из таверны. Садись, если хочешь. Только не на тетради.

Я сел на край кровати. Внутри было темно, свет проникал только через маленькое окно и открытую дверь. На стене висела гитара — старая, с трещиной на корпусе. Рядом — фотография: два молодых человека, обнявшись, смеются. Один — Вася, но моложе, без тёмных кругов под глазами. Другой

— Это Серёга? — спросил я.

Вася замер. Потом медленно поднял голову. Глаза у него были красные, но не от слёз — от бессонницы.

— Откуда ты знаешь?

— Серёжа рассказал. В таверне. Вчера.

Вася хмыкнул. Звук был горький.

— Серёжа много чего рассказывает. Он любит чужие истории. Особенно те, за которые можно налить.

Он отложил бумаги, потёр лицо руками.

— Зачем пришёл? Записывать?

— Нет. Слушать.

Он посмотрел на меня долго. Потом кивнул, как будто принял решение.

— Ладно. Слушай. Только сначала скажи: ты вчера пил Белку?

— Пил.

— Сколько?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.